

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ВОССТАВШАЯ
ИЗ ПЕПЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Миронова, Александра Васильевна.

М64 Восставшая из пепла: роман / Александра Миронова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225842-8

Десять лет назад страшный пожар унес жизнь новорожденной дочери Лили... или, по крайней мере, так утверждали все вокруг. Но Лили никогда не верила официальным заключениям.

И вот, много лет спустя, на школьном дворе она видит девочку, удивительно похожую на нее саму.

Может ли материнское сердце ошибаться? И как дойти до конца, когда весь мир против тебя?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225842-8

© Миронова А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Основано на реальных событиях

Десять лет тому назад

— Лиль, а Лиль, встречай гостей! — Это Кирилл, его голос едва пробивается сквозь веселый гомон и хрустальный звон бокалов.

Но его жена, всегда такая покладистая и послушная, вместо того чтобы впустить в дом замерзших друзей, не сдвинулась с места. Осталась сидеть в теплом уголке, возле укрощенного камином пламени, прижимая к себе малышку.

Они еще не договорились, как ее назовут. Кирилл хотел дать имя Алевтина, Алечка, в честь покойной матери, а Лиле казалось, что малышка — Леночка. Елена Прекрасная, самая красивая девочка на свете, что еще разобьет сотни сердец и войдет своей красотой в историю. Как иначе? Ведь она само совершенство. Подарок небес.

Они с Кириллом так долго мечтали о дочери. И хотя после двух тяжелейших беременностей и родов врачи уговаривали забыть о еще одном ребенке, сосредоточиться на сыновьях, пугали Лилию летальным исходом, она все равно решила и ни секунды не пожалела. Всю беременность порхала и родила малышку точно в срок, сама, за два часа. Это дитя было идеальным с первых секунд жизни.

— Лиль, — обиженно прогудел Кирилл, подходя к жене и рассеивая туман любви и гормонов.

Лиля поймала крохотный пальчик и поцеловала. Малышка посмотрела на мать серьезными серыми глазами и неожиданно улыбнулась.

Как в старой сказке про Белоснежку и Краснозорьку, за окном бесновалась снежная буря, нервничая и злясь, что ей не удастся проникнуть за стены дома, обитатели которого были бесконечно счастливы.

— Я открою, Кирилл Александрович! — Это новая секретарша Кирилла Машенька, всегда готова прийти на помощь, смотрит влюбленным взглядом.

Машенька растворилась в толпе, а Лиля тихо передразнила:

— Я открою, Кирилл Александрович.

Муж ухмыльнулся и подмигнул жене, легонько покачав головой:

— Она еще слишком молода, чтобы понять, что шансов нет. Ладно, пойду к гостям, кажется, это Пал Петрович.

Кирилл исчез в толпе, а Лиля перевела взгляд на лучшую подругу, стоявшую рядом и борющуюся с желанием закурить.

— Вика, ты видела? Ты это видела? Она мне улыбнулась! — Лиля чуть не задохнулась от восторга, вспоминая первую улыбку дочери, а Вика требовательно протянула руки.

— Давай сюда свое сокровище, хоть понянчу. А ты иди, с гостями поздоровайся. Вы что, весь город пригласили?

— Это все Кирилл, — зарделась Лиля и, с трудом оторвавшись от малышки, передала ее подруге.

С девочкой на руках не стоило отходить далеко от огня. Январь в этом году выдался на редкость морозным и снежным, входные двери постоянно открыва-

лись и закрывались, впуская все новых гостей, а Лиле не хотелось рисковать здоровьем девочки.

Вика осторожно взяла малышку и села в одно из глубоких мягких кресел, стоявших возле уютно потрескивающего в камине огня. Кинула взгляд на окно — снег залепил стекла, казалось, что они отрезаны от всего мира.

Обычно Вика начинала нервничать в таких ситуациях: ей важно было чувствовать, что все под контролем. Что в любую минуту она может сесть в сверкающий внедорожник и уехать туда, куда ей нужно. Но в доме подруги такого желания никогда не возникало. Здесь все было иначе, время меняло плавный ход, и гости попадали в другое измерение.

С Лилей они дружили сколько себя помнили, и Вика была первой, кто примчался к подруге в больницу, едва та родила. Девочка и правда удалась на славу. Впрочем, Лиле всегда все удавалось: дом был идеально чист и уютен. Помощь подруга не признавала, утверждала, что ее руки ничто заменить не может. В солидном особняке, куда семья переехала не так давно, уже витали пошлые ароматы корицы и ванили, от которых у Вики частенько щипало в носу и хотелось плакать.

Кто бы ни переступал порог дома Маруховских, его моментально окутывало теплом, покоем и желанием задержаться в этих стенах как можно дольше. Наверное, такой хозяйшкой надо родиться. Вика так не умеет. Впрочем, у нее никогда и не было таких амбиций. Ее интересовала карьера, для всего остального был обслуживающий персонал.

Малышка была третьим ребенком Лили и Кирилла. Двое старших сыновей — шестилетний Матвей, утон-

ченный мальчик, словно сошедший с полотен Дега, и рыжий демон — двухлетний Гоша — путались под ногами, разнося по дому смех и шалости. Славные пацаны. Как Лиля всегда и мечтала.

Малышка тихонечко заворочалась и приоткрыла ротик. Вика улыбнулась — ну до чего же сладкая! Она впервые поняла, почему этот эпитет применяют к детям. Сахарные щечки так и хотелось целовать.

— Где принцесса? — захохотало над ухом, и тут же две пухлые волосатые руки требовательно протянулись и ухватили розовый, сладко пахнущий комочек. Вика скосила глаза — мэр собственной персоной. Надо же. Она, конечно, всегда знала, что Кирилл далеко пойдет, но что это произойдет так быстро, не ожидала.

— Ух ты какая красавица, вся в мать! — Мэр состроил умильное лицо. Он буквально сочился паточкой. Его жена, старательно молодящаяся матрона, изо всех сил пыталась улыбнуться, но мешали множественные пластические операции.

— Смотри, смотри, какое чудо! — продолжал грохотать мэр, а супруга аккуратно положила ему руку на плечо:

— Тише ты, малышку испугаешь.

— Она храбрая, наша малышка. — Кирилл осторожно взял дочь из рук патрона и пару раз качнул — девочка одобрительно загулила.

— Ты посмотри, уже папку узнает! — продолжал восхищаться мэр, приобретя совершенно глупый вид. Вика, частенько бывавшая на встречах с его участием, кажется, впервые видела Павла Петровича таким. Надо же, оказывается, ничто человеческое ему не чуждо.

Вика подмигнула вновь подошедшей подруге и, обойдя группу потерявших голову от нежности мужчин, подошла к ней и взяла под руку.

— Твоей дочери три дня от роду, а она уже звезда! — улыбнулась она.

— Да брось ты, — зарделась Лиля.

— Точно тебе говорю! Ты молодец. Знаешь, я всегда скептически относилась к этой твоей мечте не работать, а заниматься домом и детьми...

Договорить Виктория не успела — в доме погас свет.

— Кирилл! — автоматически позвала Лиля.

Она всегда так делала, и это качество неизменно восхищало Вику. Сама она не умела прикидываться бедной овечкой, что ни гвоздь не забьет, ни антенну не настроит без мужского участия. Впрочем, Лиля и не прикидывалась, она такой и была. Поэтому рядом с ней и оказался Кирилл, сильный, смелый и практически всемогущий. А Викины ухажеры раз за разом приносили все больше разочарования. В лучшем случае желали равноправного партнерства, в худшем — искали себе вторую маму.

— Милая, я все решу, присядь к камину. — Кирилл, передав жене ребенка, помог сесть, а гости, сконфуженно захихикавшие, принялись дружно перемещаться к центру огромной гостиной, чтобы поймать отблески багряного пламени.

— Господа и дамы, — повысил голос Кирилл, — прошу прощения за катаклизмы, но нам они не страшны. Пять минут — и я включу генератор.

Малышка тихонько заплакала, Лиля принялась ворковать, утешая ее. Сквозь толпу к матери пробилась сыновья и тут же облепили ее.

— Испугались? — улыбнулась Лиля мальчишкам и погладила Гошу по вихрастой голове. Тот напоминал ей искру огня, выпрыгнувшую из камина. Гоша помотал головой, а Матвей тут же принялся дразнить брата.

— Испугался, испугался, — звонко завел он, и Гоша немедленно лягнул его по ноге.

— Мама, он дерется! — пожаловался Матвей.

— Мотенька, не дразни брата, — ласково попросила Лиля, качивая малышку.

— А я и не дразню, он бои... — договорить Матвей не успел, Гоша изо всех сил стукнул его по голове, а тот завопил.

Вика, поймавшая растерянный взгляд Лили, закатила глаза — вот они, моменты истины, развеивающие лубочное очарование. У нее бы не хватило нервов и терпения выслушивать это по двадцать раз на день.

— Гошенька, нельзя бить брата, — ласково, но твердо Лиля обхватила младшего сына рукой и подтянула к себе, помогая устроиться на коленях. Гоша немедленно склонил голову на материнскую грудь и попытался отпихнуть от нее сестру. Та сморщилась, словно печеное яблоко, и заревела.

— Гоша, не надо, сестричка — маленькая, ей больно. — Вика заторопилась прочь от семейной ссоры — это не ее поле.

В романтическом полумраке она заметила пару симпатичных мужчин и решила, что будет неплохо представиться, но не успела дойти до первого из них — высокого мощного брюнета лет тридцати, как свет зажегся и все присутствующие снова вернулись к щедрым столам с угощениями и выпивкой.

— Я уложу малышку, — сообщила Лиля сыновьям, — Матвей, пожалуйста, возьми Гошу, и пойдите в игровую.

— Мама, — тут же заныл Матвей, но Лиля ласково прервала его:

— Пожалуйста, милый, я положу сестричку в кровать и тут же вернусь, и мы поиграем, договорились? А потом я разрешу тебе съесть кусок вкусного торта.

Аргумент про торт, который мама разрешала только по очень большим праздникам, оказался веским, и Матвей поволок упирающегося брата за собой.

— Пойдем, пойдем, а то мама торт не даст, — выдвинул он железобетонный аргумент и впихнул брата в игровую комнату.

Убедившись, что дверь за ними закрыта, Лиля встала с кресла и направилась в коридор, к широкой лестнице, что вела на второй этаж. За безопасность детей она не переживала: детская была оборудована по последнему слову, и Лиля сама лично следила за тем, чтобы там не было предметов, которыми те могли бы пораниться.

Чем выше она поднималась, тем глуше становился шум. Лиля вздохнула с облегчением. Она была измучена и все еще слаба после родов. Идея Кириллы с вечеринкой не показалась ей заманчивой, но возражать она не стала. Кириллу были важны все эти связи. Она прекрасно знала, что муж старается для семьи, и ее долгом было помочь ему.

Лиля вошла в детскую, которую заранее приготовила для малышки. Комната была оформлена в пыльно-серых и розовых тонах. Даже деревянную обшивку стен она перекрасила — девочка с первых дней должна расти в нежности и сдержанности.

Она положила малышку в кровать, прикрывать одеялом не стала — боялась, что та случайно натянет его на себя. В комнате было прохладно — Лиля откры-

вала окна на проветривание и, замотавшись с гостями, забыла их закрыть. Сейчас включит обогреватель ненадолго, а как только комната нагреется, выключит. Так малышке будет комфортнее спать, пока материнского тепла нет рядом.

Дочка показала себя подарочным ребенком. Очувтившись в уютном гнездышке, сразу закрыла глазки и послушно засопела.

Лиля достала из шкафа небольшой новенький обогреватель и откатила его к середине комнаты, подальше от занавесей и любых материалов, что могли бы воспламениться. Включив обогрев на минимум и еще раз поцеловав дочь, она осторожно вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь — зайдет через полчаса, проведает.

А дальше все закутилось, завертелось... Казалось, весь мир желает им с Кириллом счастья. Многочисленные друзья, знакомые, родственники, даже незнакомые лица — те, что были нужны Кириллу по работе. У Лили шла кругом голова, и больше всего на свете ей хотелось прилечь рядом с малышкой, но она понимала, что такую роскошь в ближайшее время вряд ли сможет себе позволить. Ведь есть еще Матвей и Гоша.

Лиля провела сыновей — те настолько увлеклись игрой, что не пожелали выходить к гостям. Лиля пообещала позвать их к торту и тихонько прикрыла двери — как же здорово, что мальчишки есть друг у друга. Хотелось верить, что в будущем они будут так же близки и с сестрой, станут ей опорой и защитой.

Время от времени появлялся Кирилл, мимоходом целовал жену, шептал на ухо приятности и снова растворялся в толпе, общаясь с нужными людьми. В этом Кириллу не было равных. Наверное, ее отец это в нем

и почувствовал, разрешив ей в свое время выйти замуж за мальчика из ниоткуда. И не ошибся. Лучше мужа и желать было нельзя.

Лиля отыскивала глазами в толпе гостей Вику — та уже с кем-то флиртowała. Лиля не смогла сдержать улыбку: подруга в своем репертуаре, не признает никаких «уз и обуз», как она выражалась о муже и детях. Такие разные и в то же время настолько близкие, что, казалось, могут читать мысли друг друга.

Обойдя гостей и перекинувшись с каждым парой слов, Лиля убедилась, что закусок и выпивки хватает — муж пригласил кейтеринговую компанию, но за ними всегда был необходим присмотр. Впрочем, эта компания справлялась на ура. Официанты бесшумно скользили по огромной гостинной, предлагая гостям закуски и напитки. Один из них появился и рядом с ней.

— Шампанское, вино? — негромко предложил молодой парень лет двадцати пяти. Лиля улыбнулась ему в ответ и покачала головой:

— Нет, спасибо, но, если вы раздобудете мне горячий чай, я буду очень благодарна.

Парень, кивнув, испарился, а Лиля присела в любимое кресло у камина, находившееся в небольшом алькове между стеной и колонной (Кирюшина идея!), и засмотрелась на огонь. Она была отрезана от всего мира и с удовольствием погрузилась в собственные мысли, разнеженная теплом и легким треском горящих поленьев.

Наверное, в этом огне и было все дело. Она не почувствовала, не услышала, не ощутила, как он появился в доме. Обратила внимание только на неожиданно возникшую суету и повышенные, нервозные голоса

гостей, а затем рядом появился Кирилл и, схватив ее за руку, неожиданно вырвал из теплых объятий кресла. Привлек к себе и жестко приказал:

— Хватай мальчиков и на улицу.

— Что? — не поняла Лиля. — Что происходит, Кирюша?!

Но муж уже поволок ее в сторону детской. Тут-то Лиля и заметила дым и едкий запах. Вскинула глаза к лестнице — пожар начался на втором этаже и был уже готов перекинуться на первый. Она с силой рванула руку, но Кирилл был к этому готов. Его лицо перекопилось, огромным усилием воли он постарался говорить спокойно. Сцепив зубы, жестко приказал:

— Бери мальчиков и на улицу.

Но Лиля не слышала. Ее охватили паника и смертельный ужас. Изо всех сил рванувшись из цепкой хватки Кирилла, она бросилась к лестнице:

— Лиля, стой, стой, куда ты!

Но Лиля не отвечала, да он и сам все понимал — на втором этаже, в очаге пожара, их новорожденная дочь.

Кирилл рванул за женой, но та, хрупкая, слабенькая, неспортивная, вдруг проявила недюжую силу и скорость. Буквально взлетев по лестнице, она остановилась лишь на секунду — увидев пылающий дверной проем детской, — а затем кинулась прямо в огонь.

Кирилл успел в последнюю секунду. Схватив Лилю за платье, он с силой рванул его на себя. Послышался треск рвущейся материи, и Лиля, не устояв на ногах, рухнула на пол, а затем завывала:

— Пусти, там моя дочь!

— Лиля, Лилечка, ей уже ничем не поможешь, ничем, родная, пожар начался у нее. Мы сами должны спастись, ради мальчиков.

Но жена не слушала — вскочив, она снова попыталась прорваться в пылающую комнату дочери, и в этот раз ей это почти удалось. Она не чувствовала жалищих языков пламени, принявшихся терзать тонкую кожу, не чувствовала жара, плавившего ее новое платье, не слышала крика мужа. Не отрывая взгляда от детской кровати, она сделала шаг вперед и потеряла сознание.

* * *

Он выбрался из дома последним, с трудом держа на руках обмякшую и потяжелевшую Лилю. Последние метры показались ему бесконечными, и, едва переступив порог, Кирилл рухнул на мягкий снег, не удержавшись на ногах. Лиля оказалась под ним, и это привело ее в чувство. Она тут же начала биться, попыталась оттолкнуть мужа, встать на ноги. Захлебнувшись от крика, она завывала:

— Где моя дочь? Кто-то украл мою дочь! Верните ее немедленно! Вызовите полицию!

Кирилл с трудом сел и прижал рыдающую жену к себе. Едва сдерживаясь от слез, он принялся гладить ее по голове и убаюкивать, как маленькую.

— Лилечка, ну все-все, родная, тихо-тихо.

Его бестолковые и бесполезные утешения уже заглушал вой приближающейся пожарной машины. Кому-то хватило хладнокровия набрать нужный номер.

Многочисленные гости стояли чуть поодаль, невольно создавая вокруг Кирилла и Лили своеобразный круг отчуждения. Даже жена мэра, никогда не терявшаяся и всегда способная найти нужные слова, с ужасом смотрела на обнаженное горе, невольно прижимаясь к мужу, по-прежнему держащему на руках перепуганного Гошу и за руку — Матвея.

Павел Петрович изо всех сил старался скрыть стоящие в глазах слезы. Матвей с удивлением и жалостью смотрел на маму. Неужели она, такая большая и сильная, тоже плачет? В отличие от брата он уже был способен осознать, что случилась беда, но, что именно произошло, еще не понимал.

Его наивный вопрос, заданный звонким мальчишеским голосом, заглушил даже вой сирены.

— А где моя сестричка? — потребовал он.

Павел Петрович прижал мальчика к себе, с ужасом наблюдая, как снова теряет сознание его мать, а отец, не выдержав, захлебывается слезами.

* * *

— Физически ваша жена в порядке, небольшие ожоги заживут, знаете, она, наверное, родилась в рубашке, раз вышла целой из огня. Но вот состояние психическое... — Лиля слышала, что говорил высокий мужской голос, но не понимала, что слова относятся к ней.

Ей казалось, что в палате вещает радио. Как в далеком детстве, когда они с родителями ездили отдыхать на море и одним из немногих доступных развлечений было радио. Папа еще как-то очень смешно его называл. Радиоточка, кажется. Маленькой Лиле нравилось слушать спектакли, особенно она любила детективы. Там добро всегда побеждало зло, и Лилия была уверена, что так будет и в ее жизни.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Кирилл.

Слова Лили о том, что их дочери не было в комнате и ее украли, не давали ему покоя. Он изо всех сил цеплялся за этот призрачный шанс: а вдруг все действительно так? Сам он, к сожалению, ничего не сумел разглядеть в пламени и дыму. Но, отвезя жену в больницу,

он сразу же вернулся в дом и поговорил с начальником пожарного звена, допросил его с пристрастием — нашли ли они в доме что-то? Или кого-то? Назвать дочь «останками» или «скелетом» у него язык не повернулся. И похож ли пожар на поджог?

Начальник, хоть и похожий на одну из статуй Стоунхенджа, оказался на редкость понятливым и сочувствующим. Покачал головой, сказал, что еще проведут экспертизу, выдадут заключение и там все напишут. Но пока похоже на неисправность обогревателя. На всякий случай принес свои соболезнования. Он звонит.

Теперь же Кириллу хотелось знать мнение психиатра: могло ли это Лиле привидеться и почудиться?

— Понимаете, ваша жена пережила страшную трагедию. Пока сложно сказать, как отреагирует психика, в таких случаях часто включается механизм защиты. Из того, что я услышал, могу предварительно заключить, что сейчас она проходит стадию отрицания — не верит, что это могло произойти с ней и ее ребенком. Вполне возможно, что бессознательное подсовывает ей другие версии событий. Например, то, что ее дочь украли, она об этом твердит, когда приходит в себя.

— Но можно ли быть уверенным, что это действительно только плод ее воображения? — настойчиво поинтересовался Кирилл, в душе понимая, что ответа на этот вопрос доктор ему не даст. Тот и правда пожал плечами:

— Я же не уголовный розыск, что я могу вам сказать? Если вы на сто процентов уверены, что кражи быть не могло, то тогда я могу объяснить это защитными механизмами психики.

— Понятно. Я что-то могу сделать, чтобы ей помочь, доктор? — Лиля услышала голос мужа совсем рядом.

Она с трудом приоткрыла глаза и тут же зажмурилась. Свет в палате был слишком ярким. Кирилл заметил взмах ресниц и тут же схватил жену за руку:

— Лилечка, Лилюша, ты как, родная?

Лиля попробовала еще раз открыть глаза и собраться. Она что, в больнице? Что она здесь делает? Роды, да, она же родила ребенка, но почему она только пришла в себя? У нее что, был наркоз?

— Что... — Она пыталась спросить, что случилось, но губы пересохли, горло было сухим, как наждак, а по телу вдруг пробежала крупная дрожь.

Яркими картинками, словно слайды на старом проекторе, к ней начало возвращаться все, что произошло накануне. Роды, ее малышка, возвращение домой, праздник и пожар...

Лиля хотела сесть, но едва смогла пошевелить рукой. Рукав казенной рубашки откинулся, обнажив родимое пятно в форме нечеткого круга. Пожалуй, единственное, что сохранило цвет на бледном теле.

— Малышка... — наконец прошептала она.

Врач, стоящий возле Кирилла, смущенно и виновато посмотрел на нее, затем на мужчину и деликатно предложил:

— Я могу кого-нибудь попросить помочь.

— Нет, — покачал головой Кирилл, — я сам.

Как показалось Лиле, врач выдохнул с облегчением и, отведя глаза, выскользнул из палаты. Кирилл попытался взять Лилю за руку, но та, собрав оставшиеся силы, с трудом выдернула ее, понимая, что это прелюдия к страшному известию.

Кирилл попытался спрятать слезы.

— Лиля... — комок в горле мешал говорить, поэтому он просто обнял жену и дал волю слезам, — Лилечка...

— Она жива, Кирюша, ее украли, — хрупкая, робкая Лиля с неожиданной силой оттолкнула мужа и попыталась поймать его взгляд, — ее кровать была пуста, я сама видела. Кто-то украл нашу девочку и устроил пожар. Почему ты здесь? — не сдержавшись, выкрикнула она.

— Потому что я должен быть рядом с тобой, — вытирая льющиеся слезы, с трудом проговорил Кирилл.

— Ты не должен быть рядом со мной, черт побери, — вдруг заорала Лиля, и муж в неверии уставился на нее.

Его всегда покладистая жена, нежный цветок, от которой он за всю совместную жизнь не слышал и слова возражения и ругани, действительно обезумела.

— Ты должен быть в полиции, писать заявление, подавать в розыск, пока не стало слишком поздно, — принялась твердить она.

— Лиля... — Кирилл поднес руку к ее лицу, чтобы погладить, но Лиля ударила его. Она слишком резко вскочила с кровати, откинула одеяло, но не смогла сделать и шага, как ноги подкосились. Упав на пол, она зарыдала.

— Кирилл, ты должен ее найти, должен, пожалуйста, иди...

Лиля не успела договорить, двери палаты хлопнули, и в них показались обеспокоенные лица — медсестричка, что ухаживала за ней с утра, незнакомый мужчина в белом халате и Вика.

— Вика, слава богу, — выдохнул Кирилл. Лучшая подруга жены всегда была сообразительной, может, на

чисто женском уровне поймет и подскажет, что нужно делать.

— Давайте я помогу вам встать. — Медсестра быстро подошла к Лиля и попыталась взять ее под руку, но та сделала резкое движение, вырываясь.

— Оставьте меня в покое, — сквозь зубы процедила Лиля. Вытирая слезы и держась за кровать, она попыталась подняться самостоятельно.

— Вам показан покой, — веско вступил доктор, но Лиля его проигнорировала, обращаясь к медсестре:

— Где моя одежда и мобильный телефон? Мне нужно идти, я отказываюсь от лечения.

Вика вопросительно уставилась на Кирилла.

— Она думает, что дочка жива, — одними губами прошептал тот, как ему показалось, неслышно, но Лиля услышала. Метнув острый взгляд на мужа, она тут же обратилась к подруге:

— Вика, я не думаю, я знаю! Ее украли. Помогите мне, мне нужно поехать в полицию.

Вместо ответа Вика перевела взгляд на доктора, тот кивнул и сделал знак медсестре. Вдвоем они вышли из палаты.

— Куда вы? — удивилась Лиля. — Мне нужна моя одежда.

— Лилиюша, девушка сейчас тебе ее принесет, а ты сядь, моя хорошая, давай, вот так. — Вика встала на колени перед подругой и, протянув ей одну руку, другой убрала светлые пряди с мертвенно-бледного лба.

Она никогда не видела, чтобы Лиля настолько ужасно выглядела. Слово жизнь ушла разом из нее, оставив лишь пустую оболочку. На краткий миг защемило сердце — наверное, это было слишком жестоко, такие, как Лиля, выросшие в любви и благополу-